

И. КУРМОЯРОВЪ.

== СТРАШНАЯ ПОВѢСТЬ. ==

Разказы русскихъ солдатъ, бѣжавшихъ изъ
нѣдръ германскаго плѣна).

ПЕТРОГРАДЪ.

1915.

И. КУРМОЯРОВЪ.

СТРАШНАЯ ПОВѢСТЬ.

(Разказы русскихъ солдатъ, бѣжавшихъ изъ
нѣдръ германскаго плѣна).

ПЕТРОГРАДЪ.

Книжный складъ газеты „Русское Чтеніе“ и журнала „Лѣтопись Войны“
1914—15 гг.“.

Надеждинская улица, № 19.

Типографія Т-ва «**Грамотность**», Петроградъ, 5-ая Рождественская, 44.

I.

Ко мнѣ пришли солдаты—сибирскіе стрѣлки, только что бѣжавшіе изъ германскаго плѣна *). Вотъ что они повѣдали.

«10 ноября около гор. Брезина, Калишкой губ., былъ бой. Мы преслѣдовали нѣмцевъ... Ночь была темная,—въ 2-хъ шагахъ ничего не было видно. Четвертую роту послали въ сторожевое охраненіе. Прошли мы съ полверсты. Смотримъ—неподалеку какія-то колонны. Ротный (Ушаковъ) спрашиваетъ: «Кто такіе?»—«Свои!..» А мы залегли на всякій случай. Только мы встали—залпъ. Человѣкъ 15 сразу свалились (а было насъ всего 18 рядовъ). Сейчасъ-же окружили.. «Русь, русь!..» кричали нѣмцы.

Забрали насъ и заперли въ костель. Просидѣли мы въ костелѣ до 12-го ноября, а потомъ вывели насъ и повели къ границѣ. Когда вывели изъ костела, между нами было три казака. Они отвели отъ насъ шаговъ на 50 и тутъ-же застрѣлили.

До границы, вѣрнѣе, до посадки въ вагоны, насъ вели 6 сутокъ. За всѣ 6 сутокъ намъ не давали ни крошки хлѣба. Лишь на седьмыя сутки половина изъ насъ получила по полбулки... Ничего не ѣли: не давали. Многие изъ насъ были раненные, больные... Кто отставалъ, того били прикладами и тутъ же приканчивали... Вы не подумайте, что мы говоримъ неправду: пусть Богъ насъ накажетъ, ежели гдѣ соврали. Клянемся, что все это чистая правда.

Да... Человѣкъ двѣсти до вагоновъ не дошли. Кто выходить изъ рядовъ, допустимъ, воды напиться,—въ него стрѣляли... Страшно вспомнить, что было.

*) Ст. ун.-оф. Андрей Левченко, стрѣлокъ Василій Шишкинъ, мл. ун.-оф. Алексѣй Лаганъ, мл. ун.-оф. Лука Андрищенко, мл. ун.-оф. Іульянъ Фризюкъ, ефр. Максимъ Колесниковъ и стрѣлокъ Василии Стариковъ.

Въ каждомъ вагонѣ насъ было по 80—85 человѣкъ. Двое сутокъ везли насъ съ закрытыми дверями. Окошекъ не было. Духота нестерпимая... Вѣдь оправляться приходилось тутъ же... Сидѣть нельзя, мѣста нѣту. Сядешь—остальные кричатъ: «встань, тѣсно!..» Въ одномъ нашемъ вагонѣ умерло пять человѣкъ: кто отъ истощенія, кто—потому, что свѣжаго воздуха не было: задохлись.

Привезли насъ въ Везель. Отвели въ лагерь. Тамъ были англичане, бельгийцы и французы. Русскихъ до насъ не было. Лагерь—это бараки, построенные изъ дюймовыхъ досокъ, каждый длиною саженой въ 20, безъ пола. Трещины такія большія, что вѣтеръ гулялъ, какъ на просторѣ. Въ такихъ же баракахъ помѣщались и раненые. Не было дня, чтобы не шелъ дождь, снѣгъ... Морозы были градусовъ на 10... Цѣлый мѣсяцъ спали на землѣ: ни коекъ, ни матрацовъ не было. У кого была шинель, тому хорошо: все-таки было на чемъ спать. А съ многихъ они снимали шинели, мундиры, сапоги. Нѣкоторые по дорогѣ въ Везель были босые и въ одной рубашкѣ. Съ нами былъ подпрапорщикъ Денисовъ,—у того сначала отобрали шинель и сапоги, потомъ мундиръ, остался въ одной рубашкѣ. А было холодно: ноябрь мѣсяцъ.

Полтора мѣсяца насъ никуда не выпускали: походишь около барака—вотъ и все. Кругомъ барака—колючая проволока... И часовой тутъ же. Разъ одинъ нашъ солдатъ хотѣлъ пройти къ бельгийцамъ, подлѣзъ подъ проволоку, а его замѣтилъ часовой. Тутъ же былъ убитъ.

На прогулку насъ водили каждый день съ 9 у. до полчасца 12-го. И въ это же время насъ учили, какъ надо отдавать честь, какъ маршировать (ихній офицеръ учить, а съ нимъ быть унтеръ-офицеръ) и даже занимались гимнастикой—такая-же, какъ у насъ.

Обращеніе съ нами было звѣрское. За малѣйшую ошибку, напримѣръ, въ отданіи чести, насъ сажали подъ арестъ на 14 сутокъ. Для арестованныхъ былъ выстроенъ баракъ. Около него отдѣльный часовой. Внутри онъ раздѣлялся на камеры. Окошки постоянно закрыты. Ни кровати, ни матраца не было... Арестованныхъ, вмѣсто прогулокъ, выводили на дворъ и приковывали руками къ столбу... На лѣвую (или правую) руку вѣшали шинель—чтобы потяжелѣе было.

— «Смотри вотъ на этотъ баракъ!.. Не шевелись!..» И стоишь, точно вкопанный. Шевельнешься—новыя 14 сутокъ... Ну, не звѣри-ли?..

Ежедневно гоняли на работы: устраивали лагерь, дороги проводили, канавы копали—сажени 2 глубиною (позже напустили туда воду). Работали всё безъ исключения. Кто въ работѣ отставалъ—били прикладами: поторапливайся, молъ...

На десять человѣкъ каждый день выдавали пятифунтовую булку. А булка-то была не изъ чистой муки, а съ примѣсью: муки 20%, а остальное: древесная кора, мохъ, картофельная мука и союма... Начнешь рѣзать хлѣбъ, а за ножомъ такъ и волокется солома... На 350 человѣкъ (на весь баракъ) выдавали 8—9 пудовъ картофеля—тоже ежедневно. а мяса мы получали 25—30 фунтовъ на всю артель въ 350 человѣкъ, два раза въ недѣлю; два раза въ недѣлю выдавали сушеную рыбу,—тоже на весь баракъ, 15 фунтовъ; крупу выдавали по-недѣльно (иногда въ двѣ недѣли разъ) 30 фунтовъ на артель. Каждый день мы получали сушеный кофе. А пищу уже приготавливали сами... Да это и лучше: и такъ голодали, а тогда бы и вовсе.

Внутри каждаго барака весь день былъ старшій (нѣмецъ). Онъ наблюдалъ за порядкомъ,—чтобы подкоповъ не дѣлали (положимъ, мы ихъ все одно дѣлали, да только бесполезно: обнаруживали... Работали-то по ночамъ).. Старшій перекликали насъ. провѣрялъ, всё-ли мы... Одинъ изъ насъ дежурилъ по бараку, другой дневалилъ около дверей.

Каждую недѣлю насъ обыскивали: выводили на плацъ, выворачивали карманы и всёхъ ощупывали... А въ это время дѣлали обыскъ въ баракъ. Были у насъ алюминиевые котелки,—отобрали. Все боялись, чтобы мы чего не сдѣлали изъ этого металла. У иныхъ были компасы, карты,—все французы добывали откуда-то...

Черезъ полтора мѣсяца намъ дали свободу: позволили ходить въ бараки союзниковъ. Вотъ тогда-то мы и стали богатѣть картами. Каждый только и думалъ, какъ бы удрать изъ этого страшнаго ада. Почти у всѣхъ были схемки мѣстности около Безеля—чертили отъ руки—всѣ знали гдѣ, какая сторона и куда надо бѣжать. Какъ скомандуютъ: «на плацъ!»—мы сейчасъ же все зарываемъ въ землю (а гдѣ былъ полъ—бросали подъ доски).

Въ декабрѣ нашъ стрѣлокъ Максимовъ попалъ въ лазаретъ. Задумалъ бѣжать. До службы онъ жилъ въ Германіи и по-нѣмецки говорилъ хорошо. Какъ бѣжалъ—не знаемъ. но

убѣжалъ, намъ объ этомъ сказали въ консульствѣ въ Голландіи. Да, забылъ сказать вотъ о чемъ. Съ нами въ баракъ помѣстили и 3-хъ казаковъ. Сначала нѣмцы не знали, что они казаки. А потомъ наши евреи ихъ выдали. Ихъ отъ насъ забрали и... убили.

Задумали бѣжать изъ плѣна и мы—семь человѣкъ. Кругомъ всего лагеря шла электрическая проволока,—сначала колючая, высотой на 4 аршина въ два ряда, потомъ рядъ электрической, а третій рядъ—опять колючая проволока, высотой въ 4 аршина. Около этой ограды стояли часовые, одинъ отъ другого въ ста шагахъ. Возлѣ каждого часового былъ электрическій фонарь—весь лагерь освѣщался такъ свѣтло, что ночью было, какъ днемъ. На всѣхъ четырехъ углахъ стояли пулеметы и орудія: четыре пулемета и четыре пушки. Все это направлено было прямо на бараки,—разсказываетъ старшій унтеръ-офицеръ Андрей Левченко.

Наступила весна. Насъ всѣхъ развели по работамъ, кромѣ больныхъ и унтеръ-офицеровъ. Корчевали лѣсъ, пахали землю, перекапывали ее лопатами, приводили въ порядокъ шоссеи-ныя дороги, рѣзали торфъ...

Все допытываемся, въ какой сторонѣ работаютъ сосѣди, куда легче убѣжать. Слышимъ въ Гельдернѣ (а ихъ было два: одинъ по правую сторону Рейна, другой по лѣвую) работаютъ наши. Глядимъ по картѣ—отъ границы близко. А я—унтеръ-офицеръ,—значить, безъ работы. Беру у француза карту, снимаю весь районъ Гельдерна—правую сторону и отправляюсь подъ видомъ стрѣлка на работу (служилъ я въ 21 Сибирскомъ Ея Величества полку). Стали мы въ поѣздѣ переѣзжать на лѣвую сторону Рейна. Глядя на карту—анъ снимокъ-то мой остается безъ послѣдствій: мнѣ нужна правая сторона Рейна, а повезли на лѣвую. Что дѣлать?... Главное, всему помѣхой—часовой. Сидитъ тутъ-же и смотритъ за нами.—«Вы. говорю своимъ, заговорите часового, а я карту сорву со стѣны вагона!» Прямо противъ меня висѣла. Ну, ребята встали, окружили его, стали руками ублажать нѣмца: «Варшавѣ, молъ, капутъ!.. Здорово деретесь!..» Нѣмецъ расплылся отъ удовольствія. А въ это время я хватаю карту, да въ карманъ. Пока ее не было, я, какъ прибывали мы на какую-нибудь станцію, ставилъ у себя на бумажкѣ начальныя буквы этихъ станцій. Проѣхали мы Бюдерехтъ—ставлю В, потомъ Бауссуль,—ставлю опять В, а

потомъ приѣзжаемъ въ Иссумъ. Тутъ мы слѣзли. Отвели насъ въ деревню Севеленъ, въ шести километрахъ отъ станціи. А впереди этой деревни, въ 8 километрахъ, былъ второй Гельдернъ. Приходимъ на работы—корчевка лѣса, Евреи (наши солдаты) знали, что мы унтеръ-офицеры и немедленно сообщили объ этомъ нѣмцамъ. Ясно, что приѣхали мы не работать, а зачѣмъ-то другимъ. Фамиліи этихъ евреевъ: 23-го Сибирскаго стрѣлковаго полка Зигерманъ и того-же полка Эсманъ (онъ, кажется, русско-подданный нѣмецъ). Вышли мы на другой день на работу. Фельдфебель ихній подходитъ къ намъ, тыкаетъ на насъ пальцемъ и говоритъ: «унтеръ-офицеръ»!.. Ну, сразу мы упали духомъ,—ничего не выйдетъ... Назначили за нами надзоръ этихъ же евреевъ. Днем работаемъ, а какъ придемъ на ночь—принимаемся за свое: отрываемъ отъ пола доски, подковы роемъ... Когда оторвали первую доску, Эсманъ подошелъ къ намъ и сказалъ: «Бросьте, ребята!.. А то засыпаетесь (попадется)». Какъ онъ не доложилъ о насъ—прямо чудо!.. Стали мы думать, какимъ-же способомъ намъ выбраться изъ плѣна. Смотримъ—вмѣсто одного поста, возлѣ насъ стало четыре,--значить, думаемъ, дѣло худо: сторожатъ насъ крѣпко. А зданіе было устроено такъ:

Посреди двора былъ постъ, тоже самое по бокамъ зданія, внутри, гдѣ мы спали и у дверей—всего пять постовъ.

Когда мы бывали во дворѣ, намъ бросилась въ глаза конюшня, гдѣ было окошко. Возлѣ этого окошка былъ небольшой заборъ, высотой въ аршина полтора.

Мы рѣшили бѣжать черезъ это окошко. Стали приготовляться. За недѣлю мы выломали чугунную раму съ стекломъ, осмотрѣли конюшню, замѣтили лѣстницу, которая шла на чердакъ гостиницы—словомъ произвели развѣдку.

7 апрѣля, въ 9 ч. вечера, мы—насъ было 7 человекъ—подошли къ окошку и стали одинъ другого проталкивать въ конюшню. Чтобы отвлечь вниманіе часового, двое изъ нашихъ солдатъ (мы ихъ подговорили) качали воду, кричали, плескались... Часовой засмотрѣлся на нихъ, а мы тѣмъ временемъ проползли въ конюшню. Сейчасъ же вставили чугунную раму окошка на свое мѣсто... Я лично былъ спокоенъ. Въ душѣ былъ такой приливъ энергіи!..

Очутились мы въ конюшнѣ. По лѣстницѣ взобрались на чердакъ гостиницы. Тамъ мы просидѣли до 12 часовъ ночи.

Внизу, въ комнатахъ гостиницы, было много народу. Пили, ѣли, пѣли, играли... Въ 12 часовъ ночи стало тихо. Въ окошко съ чердака намъ было видно, какъ публика разѣзжалась, большинство на велосипедахъ. Смотримъ, часовые подходятъ къ окошку, гдѣ намъ спускаться. Немного спустя къ нимъ подошелъ фельдфебель. Думается, что предупредилъ часовыхъ: смотрите, молъ, въ оба. А самъ пошелъ къ себѣ на квартиру. Часовые разошлись: одинъ пошелъ въ будку и сѣлъ, а другой скрылся за уголъ. Сейчасъ же мы стали спускаться на полотенцахъ и поясахъ. Вѣдь чердакъ—это третій этажъ! Высоко... Все обошлось, слава Богу, по-хорошему. Чтобы песокъ не скрипѣлъ подъ ногами, мы всѣ разулись. Пока на чердакѣ былъ предпоследнй—было кому насъ спускать. А послѣднему, стрѣлку Старикову, оставалось одно: броситься внизъ на наши руки. И этотъ маневръ удался. Только, когда онъ упалъ на насъ, онъ зацѣпилъ ногою дверь,—стукнулъ. Испугались и бросились бѣжать черезъ шоссеюю дорогу въ поле. Часовые не шевельнулись. Мы по картѣ изучили всю мѣстность: наизусть знали мѣстные предметы, лѣсокъ, деревни. Дошли мы до города Гельдернъ. Рѣчку (а можетъ каналъ—шириною въ 3½ сажени) мы переплыли всѣ вмѣстѣ. Обходить городъ—значить, дѣлать большой крюкъ. Порѣшили итти черезъ Гельдернъ... А рѣчку переплыли потому, что мосты охранялись часовыми: того и гляди попадешься!.. Перешли одинъ кварталъ, смотримъ—садъ. Мы въ садъ и вышли прямо за городъ. Было еще темно, часа три ночи. Пошелъ маленькій дождикъ. Нашъ путь пролегалъ по лѣсу (а шли не по дорогѣ). Какъ попадется большое дерево, такъ и ищемъ мохъ,—потому мохъ съ сѣвера, а намъ-то онъ какъ разъ и нуженъ. Дошли до второй рѣчки. Переплыли ее на бревнахъ. И сейчасъ же бѣгомъ. Хотѣлось за ночь до границы добраться: оставалось какихъ-нибудь 12 километровъ. Черезъ три километра намъ попалась еще одна рѣчка. А тутъ стало свѣтать. На другомъ берегу, да и по бокамъ, шли постройки, показались люди... Рѣшили остаться тутъ. Выбрали кочковатое мѣстечко и залегли въ болотѣ. А чтобы не было видно, нарвали травы и ею накрылись. Мы купались въ водѣ. Болото было небольшое—шаговъ 200 въ квадратѣ. Въ 2 часа дня къ намъ подходилъ охотникъ, сдѣлалъ четыре выстрѣла по дичи, но насъ не замѣтилъ. Видно Богъ берегъ... Мы уговорились: ежели встрѣтятся одинъ или два вольныхъ и будутъ насъ задер-

живать, сейчас-же их прикончить. Съ нами было три ножа (съ собою унесли изъ столовой, только сточили ихъ, какъ кинжалъ) и тяжелые ключи отъ плуга: въ полѣ нашли и отвинтили. Холодно. Сыро. Хочется кашлять и нельзя. Уткнешься въ воду и кашляешь. А кругомъ народъ: бабы, дѣти, старики—землю пахали. Такъ пролежали мы въ водѣ до 9 часовъ вечера. А время узнали по трубѣ на таможенномъ посту. У нихъ, какъ и у насъ, въ 9 ч. бываетъ зоря. Поднялись, подошли къ рѣчкѣ, переправились на бревнахъ и пошли дальше. Эта ночь была лунная. Не доходя границы, мы попали на шоссе. А по картѣ было видно, что въ 1½ километрахъ за шоссеиной и узкоколейной дорогой, идетъ граница. Стали осторожнѣе. Сначала впереди проползетъ одинъ, а за нимъ остальные... Видимъ—впереди себя каменные столбы въ просѣкѣ. Слава Богу, граница!.. Возлѣ насъ никого не было. Перешли границу и побѣждали, что было силъ. Вѣдь двое сутокъ мы ничего не ѣли, а силъ хотъ отбавляй. Хотѣлось поскорѣе оставить за собою ужасный плѣнъ и его муки... Черезъ полчаса мы подбѣжали къ р. Маасъ. Вы не можете себѣ представить, какъ мы тутъ торжествовали: прыгали, кричали, смѣялись, поздравляли одинъ другого съ избавленіемъ отъ ига... А все-таки побаивались, какъ бы пограничные жители не выдали насъ (объ этомъ предупреждали нѣмцы).

Смотримъ, влѣво отонекъ. Мы къ нему. Оказывается, перевозъ. Паромъ былъ примкнутъ къ столбамъ. Въ это время кто-то изъ насъ увидѣлъ будку и въ ней свѣтъ. Трое изъ насъ пошли къ будкѣ. Подходимъ (я былъ тоже). Около будки стояли двѣ винтовки. Заглянули. Спятъ два пограничника. Я взялъ винтовки и показалъ остальнымъ. «Смотрите, это не германскія!...» Будить пограничниковъ мы все-таки побоялись, поставили винтовки на мѣсто и пошли влѣво по берегу искать другой перевозъ. Попались намъ бревна. Взяли три бревна, связали ихъ проволокой (сѣнокосъ былъ ею огороженъ), наклали доски и съ Божіей помощью отправились. Течение насъ отнесло на версту. Сидѣли въ водѣ по грудь. Было двѣнадцать часовъ ночи—на киркѣ пробило. Переплыли и опять пошли на западъ, въ глубь Голландіи. Прошли верстъ 8. Нѣкоторые изъ насъ стали изнемогать. Зашли въ деревню Меерло. Постучали въ окно. На чердакѣ открылось окошко и оттуда выглянуло лицо голландца.—«Русъ солдатъ! Русъ солдатъ!...»—закричали ему. Но онъ преспокойно захлопнулъ окно и въ домѣ стало мертво. Рѣ-

пили до разсвѣта никуда не стучаться и оставаться въ этой деревнѣ. Холодъ страшный. Всѣ промокли и продрогли. Спичекъ не было, огня развести нечѣмъ. Утромъ изъ дома вышелъ одинъ голландецъ. Я къ нему. Руками, голосомъ сталъ просить дать спичекъ. Сначала испугался, потомъ вынесъ цѣлую коробку. Только мы развели огонь во дворѣ, къ намъ подходить хозяинъ. Онъ понялъ, что мы русскіе солдаты и повелъ насъ въ домъ. Обсушились, помылись... Насъ накормили. Приняли насъ такъ тепло, такъ участливо, что мы никогда этого не забудемъ. Въ 12 дня къ намъ пришелъ бургомистръ, спросилъ, кто мы такие, далъ телеграмму въ русское консульство, въ г. Роттердамъ, купилъ намъ билеты и посадилъ въ поѣздъ. Когда шли на вокзалъ, насъ провожала громадная толпа мѣстныхъ жителей. Одни давали намъ бутерброды, другіе сигары, хлѣбъ, булки. Въ 5,20 мы были въ Роттердамѣ, въ русскомъ консульствѣ. Насъ встрѣтилъ писарь и проводилъ къ себѣ. Тутъ насъ переодѣли въ вольную одежду. Приняли насъ лучше, чѣмъ родныхъ. Давали денегъ, посылали въ городъ, ѣздили въ Гаагу. А черезъ 11 дней насъ отправили въ Англію, въ Лондонъ. Тамъ имѣли счастье бесѣдовать съ Великимъ Княземъ Михаиломъ Михайловичемъ, обѣдали у него, получили отъ него подарки (часы), по фунту стерлинговъ. Въ тотъ-же день мы отправились въ Россію черезъ Норвегію и Швецію».

Вотъ и все. Русскіе солдаты, будучи въ плѣну у нѣмцевъ, переживаютъ такіе ужасы, такія пытки, о которыхъ мы и представленія не имѣемъ. Часто ходятъ слухи, что гдѣ-то и кто-то любезничаетъ съ плѣнными тевтонами и швабами: одинъ старается доставить имъ удовольствіе охотою, чаемъ у себя на дому, другой доставляетъ «бѣднымъ» плѣнникамъ лакомства. Печать неоднократно указывала на необходимость примѣненія въ работахъ сельскаго хозяйства труда плѣнныхъ у насъ солдатъ,—что доказываетъ, что и въ этой области мы проявляемъ чрезмѣрную мягкость къ нашимъ врагамъ.

Такъ пусть же прочтеть эти строки русское общество. Пусть станетъ ему извѣстнымъ, какъ нѣмцы добивали и убивали русскихъ бойцовъ за то, что они казаки, за то, что имъ, голодавшимъ недѣлю, хотѣлось пить и ѣсть, за то, что просили человѣчности. Безоружныхъ солдатъ и казаковъ везли въ плѣнъ хуже, чѣмъ скотъ: ихъ лишили всего, даже воздуха. Люди задыхались и умирали....

Вотъ почему хочется призвать нашихъ мягкотѣлыхъ добряковъ только къ разуму: прочтите, перечтите и запомните рассказъ унтеръ-офицера Левченко. Вѣдь онъ, какъ и остальные шесть плѣнниковъ,—живые свидѣтели нѣмецкаго сердца и германской души.

Возьмите же съ нихъ примѣръ, отбросьте сердце и относитесь къ плѣннымъ австро-германцамъ только по разуму.

II.

Почти одновременно съ бѣгствомъ этихъ солдатъ изъ германскаго плѣна, оттуда бѣжалъ и подпорщикъ Ѳедоровъ. Всѣ они знали, что бѣгство изъ тевтонскихъ тисковъ связано съ страшнымъ наказаніемъ—смертью. И если русскіе плѣнники предпочитаютъ лучше сразу уйти въ вѣчность, чѣмъ медленно, путемъ голода, измывательствъ, побоевъ—подходить къ ней, значить слишкомъ тяжело жилось имъ въ этомъ плѣну. Слава Богу, правда про плѣнъ начинаетъ всплывать уже теперь. И мы ее слышимъ изъ устъ нашихъ героевъ. Она послужитъ для отрезвления нашей мягкости къ нѣмцамъ въ Россіи. Это нужно, ибо это должно быть. Наше общество нуждается въ доказательныхъ фактахъ. А что можетъ быть правдивѣе горькаго повѣствованія нашихъ героевъ-солдатъ, бѣжавшихъ изъ самага нутра Германіи?!..

Подпорщикъ Ѳедоровъ рассказываетъ вотъ что:

«7-го ноября 1914 года я былъ въ бою у мѣстечка Ж., гдѣ и получилъ контузію въ правый бокъ. Отъ этой раны я впалъ въ безсознаніе, потому и пришлось остаться въ окопѣ до утра 8 числа.

Когда я пришелъ въ сознаніе, то сразу не понять, гдѣ я нахожусь. Послѣ нѣкоторыхъ припоминаній я вспомнилъ вчерашнее сраженіе и канонаду. Я лежалъ посрединѣ окопа съ разбросанными руками и ногами. Край окопа былъ разрушенъ снарядомъ. Пашки и револьвера не было,—кто отобралъ не знаю и по настоящее время. Жутко быть безъ оружія. Я попытался встать и не могъ поднять головы. Просить помощи было не у кого, а видѣть я не могъ ничего кромѣ звѣзднаго неба. Собравъ послѣднія силы, я хотѣлъ подняться, но не могъ. Я почувствовалъ такую боль въ правомъ боку, что снова впалъ въ

безсознание. Сколько времени оставался въ такомъ положеніи, не знаю, но когда вторично пришелъ въ себя, то замѣтилъ, что начинается смеркаться. Мнѣ было страшно холодно, и чувствовалась слабость. Стать на ноги я не могъ, но кое-какъ повернулся внизъ лицомъ и поползъ по дну рва; куда ползъ и въ ту-ли сторону, я не зналъ. У меня было одно желаніе: скорѣе уйти, уползти, а куда—не зналъ. Проползя нѣкоторое разстояніе, я замѣтилъ двухъ солдатъ, которые лежали на днѣ окопа. Меня это обрадовало, но не надолго. Солдаты были мертвы и на мои вопросы не отвѣчали. Я поцѣловалъ въ лобъ cadaго изъ нихъ и позавидовалъ ихъ участи. Опершись на руку убитаго, поднялся на ноги и поплелся дальше.

За окопами я замѣтилъ копошившагося человѣка, у котораго была забинтована голова. Всмотрѣвшись, я замѣтилъ, что этотъ человѣкъ поползъ по направленію къ деревнѣ. Подойдя къ нему, я сталъ разспрашивать: какой роты и куда дѣвались наши войска. Онъ сказалъ: «я 8 роты стрѣлковаго полка, стрѣлокъ Дубининъ. Наши войска отступили къ этой деревнѣ». И показалъ рукою. На мой вопросъ: «почему ты ползешь»? Онъ отвѣчалъ: «я контуженъ и не могу идти». Я сказалъ: «ты обожди здѣсь, а я пойду въ деревню и попрошу поляка, чтобы онъ пришелъ за тобой». Въ это время изъ деревни выскочили три нѣмецкихъ кавалериста. Они меня схватили и обыскали съ ногъ до головы. Не найдя ничего, они сѣли на лошадей и сказали, чтобы я шелъ за ними. Привели въ ближайшую деревню, гдѣ помѣщались какіе-то обозы. Нѣмецкіе солдаты стали надо мною смѣяться—у меня было поцарапано лицо и на шинели была кровь. Стали допрашивать: много ли войска; я отвѣтилъ незнаніемъ. На второй день я былъ отправленъ въ другую деревню и присоединенъ къ парти, которая помѣщалась въ сараѣ: изъ нихъ большинство легко раненные. Съ этой партией водили отъ деревни до деревни, а къ ночи запирали въ сарай и ставили двухъ часовыхъ, чтобы ночью никто не выходилъ изъ сарая.

Съ 8 по 19 ноября были въ дорогѣ, гдѣ пришлось испытывать ужасныя муки и насилія.

Ведутъ конвойные и присматриваютъ, у кого хороше сапоги или фуражки—какъ замѣтятъ, сейчасъ приказываютъ разуться. Если кто не соглашался, грозили штыками или били

прикладомъ. У меня стали срывать погоны. Я не давалъ, за что получилъ пощечину. Мало того, что конвойные отбирали все то, что имъ нравилось, а еще и прочіе солдаты, которыхъ встрѣчали по дорогѣ, тоже все отбирали безъ всякаго согласія и спроса. Много было случаевъ за дорогу, что конвойные убивали плѣнниковъ безъ всякой вины, особенно казаковъ. Около гор. К. одинъ солдатикъ хотѣлъ набрать сырого картофеля, который находился въ двѣнадцати шагахъ отъ строя,—какъ только подошелъ къ кучѣ картофеля, то сейчасъ же былъ убитъ. Это было въ то время, когда позволили оправиться. Второй случай такой: выдавали супъ, наши вольные поляки и одинъ солдатикъ захотѣли получить безъ очереди, за что и были заколоты штыкомъ. Многие солдаты не могли идти отъ истощенія; конвойные подгоняли ихъ прикладами.

Такихъ звѣрскихъ случаевъ было очень много: солдатъ убивали, какъ собакъ. Покамѣстъ вели до поѣзда, совсѣмъ не кормили. За 11 сутокъ намъ дали всего по 2 фунта хлѣба на человѣка. Привели на вокзалъ и посадили въ вагоны, по 80 и болѣе человѣкъ и закрыли окна и двери. Оправляться негдѣ было, воды не давали. Въ такой заперти мы просидѣли три дня; съ духоты и тяжелаго воздуха нѣкоторые солдаты умерли. Привезли въ Везель. Насъ размѣстили по баракамъ, по 350 человѣкъ. Нѣкоторымъ выдавали матрацы, а нѣкоторые спали около двухъ мѣсяцевъ на стружкахъ. Бараки были безъ пола и потолка, во время сырой погоды съ потолка текла вода, и стружки скоро превратились въ сырой навозъ.

Въ баню сводили черезъ мѣсяцъ послѣ прибытія въ Германію. И то была не баня, а какая-то кухня, въ которой былъ цементный холодный полъ. Пара въ банѣ не было, потому было очень холодно. Пищу давали скудную и мало. Первое время давали $\frac{3}{4}$ фунта хлѣба на одинъ день, а теперь только полфунта. Мясa давали очень рѣдко и не больше, какъ отъ 18—35 фун. на 350 человѣкъ, а какое мясо—и говорить не стоитъ: одни кости—должно быть остатки отъ колбасъ. На работѣ даютъ хлѣба только полфунта. Въ городѣ Ванъ, куда меня перевели позже, даютъ очень скудную пищу и притомъ картофель, который кладутъ въ супъ, совсѣмъ не чистятъ. Отъ такой скудной пищи и тяжелой работы солдаты такъ истощали, что падаютъ отъ вѣтра.

Всѣхъ солдатъ посылаютъ на работу каждый день. *Тѣ люди.*

которые посланы работать на фабрики и заводы, никакой платы не получают. Если солдатъ плохо работаетъ по своей слабости, то его лишаютъ и этого куска хлѣба. Платы за работу никакой. Рабочій день тянется 12 часовъ, изъ нихъ 2 часа на обѣдъ и чай. Работать нужно не сколько сработаешь по своей силѣ, а какъ можно больше.

Мнѣ пришлось видѣть, какъ приказчикъ ударилъ одного мальчика за то, что плохо работаетъ. Это мало, что они заставляютъ работать изъ подъ палки своихъ рабочихъ, а бьютъ и плѣнныхъ солдатъ. Первая попытка была произведена надо мною. По приѣздѣ въ г. Брюиль, гдѣ была брикетная фабрика, нашихъ солдатъ повели на фабрику и стали показывать, какъ нужно работать. Первый день прошелъ благополучно, хоть приказчикъ и заставлялъ усиленно работать, но я отказался.

На второй день, послѣ того, какъ получили кофе и вышли на работу, приходитъ какой-то господинъ въ шляпѣ и говорить мнѣ, чтобы я работалъ. Я заявилъ что работать не буду, ибо подпираторщики не должны назначаться на работы. Онъ закричалъ не своимъ голосомъ и подступилъ ко мнѣ съ кулаками. Я отступилъ два шага назадъ и указалъ на желѣзную съ ручкой кирку, которая лежала здѣсь и сказалъ: «уходи прочь, а то киркой ударю по башкѣ. Я—русскій и терпѣть обиду отъ такой шляпы не стану»!.. Онъ еще пуще закричалъ и побѣждалъ жаловаться. Черезъ нѣкоторое время пришелъ управляющій и нѣмецкій фельдфебель. Прежде всего спросили у часового, какъ было дѣло, а затѣмъ у меня. Я рассказалъ и прибавилъ, что приказчика слушать не стану, а если онъ ударить меня, то я дамъ сдачу. Послѣ этого былъ посланъ рапортъ къ коменданту г. Ванъ; какая была резолюція не знаю, но больше меня работать не заставляли. Подымать непосильныя вещи и бить солдатъ продолжали. Одинъ разъ мнѣ пожаловался солдатъ-стрѣлковаго полка Топчилю, что его ударилъ приказчикъ за плохо исполненную работу. Я сказалъ фельдфебелю, но онъ никакихъ мѣръ не принялъ. Я предупредилъ управляющаго, чтобы приказчики не трогали солдатъ, а то они будутъ давать сдачи и можетъ выйти непріятность. Послѣ этого, хотя и не слышно такихъ жалобъ, но зато каждый день управляющій предупреждать, чтобы работали хорошо, а то ѣсть не дастъ. Какими правами пользовался управляющій—не знаю. Горькая жизнь нашихъ, плѣнныхъ. Это описано только вкратцѣ, а

если описать все, то можно ужаснуться. Посылки, которыя посылають изъ Россіи, получаютъ не всѣ.

Обращене съ плѣнными самое грубое и звѣрское. Бывали случаи что убивали солдатъ. Во время стоянки въ Фридрихс-срелодѣ былъ такой случай. Одинъ солдатикъ пошелъ въ баракъ, гдѣ помѣщались французы. Часовой его замѣтилъ, какъ онъ вошелъ въ баракъ, а когда вышелъ, и направился бѣжать въ свой баракъ, былъ убитъ на мѣстѣ. Много такихъ печальныхъ случаевъ тамъ было. Насъ били, плевали въ лицо...

Изъ рассказовъ солдатъ, которые стояли въ г. Герлицѣ, тамъ еще хуже обращене. Подтверждаютъ, что наши евреи служать переводчиками и очень много ложно наговаривають нѣмецкимъ солдатамъ на русскихъ. А дѣло кончается побоями и даже убійствомъ илѣнныхъ.

Всѣ германское население терпитъ голодъ. Хлѣбъ и мясо дорого, да и взять негдѣ. Хлѣбъ можно получить только по семейному списку, засвидѣтельствованному мѣстнымъ начальствомъ и то по слѣдующему разсчету: рабочій взрослый получаетъ на одинъ день фунтъ хлѣба, не рабочіе, женщины и дѣти, которыя имѣють болѣе 5 лѣтъ— $\frac{1}{2}$ фунта, а остальные, менѣе пяти лѣтъ, совсѣмъ не получаютъ хлѣба.

Свѣдѣнія эти изъ газетъ.

На иѣмцахъ война отражается сильно. Если пишутъ, что они одержали побѣду надъ русскими. то они въ такомъ восторгѣ, что нельзя описать. Мнѣ пришлось лично видѣть, какъ нѣмцы пьянствовали цѣлую ночь послѣ газетныхъ свѣдѣній, гдѣ было помѣщено: «мы взяли 160.000 русскихъ нижнихъ чиновъ, 60 офицеровъ, 8 генераловъ, 200 пулеметовъ и 100 орудій и много другой военной добычи». Черезъ нѣкоторое время писали, что еще взяли 140.000 нижнихъ чиновъ, нѣсколько офицеровъ, орудій и пулеметовъ. Они много интереснаго пишутъ въ своихъ газетахъ. Газета «Американскій Вѣстникъ» нѣмецкаго изданія, пишетъ такъ: «Мы одержали три крупныхъ побѣды надъ русскими и остальную борьбу доведемъ до конца. У насъ войска столько, сколько у всѣхъ союзниковъ вмѣстѣ. Австріицы получаютъ полную контрибуцію отъ побѣжденныхъ».

Послѣ паденія Перемышля у нѣмцевъ духъ очень упалъ,—какъ у солдатъ, такъ и у мирнаго населенія. Было слышно, что хотѣли сдѣлать четвертый наборъ, но побоялись народнаго

волнения. Они забрали всѣхъ людей, которые совсѣмъ не служили. У насъ были унтеръ-офицеры, которымъ было 58 лѣтъ.

У нѣмцевъ хорошъ приемъ для поднятія духа въ войскахъ: передъ тѣмъ, какъ отправлять солдатъ на позицію, появляется въ газетахъ: «мы одержали тамъ и тамъ побѣду» и во всѣхъ церквахъ звонятъ и служатъ молебны. Улицы украшаются флагами, ходятъ толпы, кричать, поютъ.

А на слѣдующій день отправляютъ новыя войска на позицію. Сначала взвинтятъ народъ, а потомъ гонять солдатъ въ траншеи.

На поляхъ и въ фабрикахъ работаютъ военноплѣнные.

По прибытіи въ городъ Везель я былъ отправленъ въ госпиталь, не въ такой госпиталь какъ у насъ, а просто въ баракъ безъ потолка и только покрашенъ полъ. На полу спали, тутъ же обѣдали и пили кофе; столовъ вовсе не было. Лечение было очень скудное. Медикаментами не лечили, а больше вопросами: болить или не болить?

Послѣ нѣсколькихъ дней, я сталъ чувствовать себя лучше. Какъ-то, случайно, я спросилъ у служителя нѣмца, —далеко граница или нѣтъ?—«Близко», отвѣтилъ онъ. У меня было намѣреніе предпринять побѣгъ, но не возможно было выбрать удобнаго случая. Я предпочелъ выписаться изъ госпиталя въ лагерь, что скоро и удалось. Изъ лагеря было тоже неудобно бѣжать, не все-таки я намѣтилъ исходный путь чрезъ сѣверныя ворота. Тамъ было можно сдѣлать небольшой и скорый подкопъ, а въ другомъ гдѣ-либо мѣстѣ невозможно, потому что тамъ была проведена въ три ряда проволока и средняя изъ нихъ пропускала электрическій токъ. Я изготовилъ вольный костюмъ и сталъ ожидать темной и дождливой ночи. Сколько провелъ бессонныхъ ночей, чтобы усмотрѣть, когда часовой отвлекается, но все было напрасно. О своемъ намѣреніи никому не говорилъ, кромѣ русскаго врача, который находился при околodкѣ; но онъ мнѣ не далъ на это согласія.

Прошло нѣсколько мучительныхъ дней, а желаніе не приведено въ исполненіе. Рѣшилъ ждать подходящаго момента. Ждать не долго пришлось. Въ одинъ прекрасный вечеръ приходитъ нѣмецкій унтеръ-офицеръ и объявляетъ: «завтра въ 7 ч. утра баракъ № 30-а уѣзжаетъ на работу», а куда не сказать. Это меня обрадовало. Я былъ увѣренъ, что въ такую крѣпость не завезутъ, какъ нахожусь въ настоящее время. И дѣйстви-

тельно, утромъ насъ отправили въ г. Брюиль. Работа была тяжелая, да и грязная. Помѣщеніе тѣсное. Въ началѣ давали пищу подходящую, хотя и не столько, сколько нужно рабочему чело-вѣку, и чѣмъ дальше тѣмъ меньше и хуже. Мысль о побѣгѣ все больше и больше развивалась, но одинъ бѣжать не хотѣлъ, а потому я предложилъ двумъ унтеръ-офицерамъ. Они сказали товарищамъ, а товарищи еще товарищамъ и т. д.—все это привело къ тому, что узнали нѣмцы. Нѣмецкіи фельдфебель все отобралъ отъ меня, что было приготовлено къ побѣгу, и объявилъ: «завтра отправлю въ г. Ванъ». Хотя я и не показалъ своего волненія, но это до того подѣйствовало на меня, что я едва на ногахъ устоялъ. На другой день меня отправили въ гор. Ванъ подъ строгимъ конвоемъ и передали, что я хотѣлъ бѣжать. Для меня настало новое мученіе. Здѣсь провелъ двѣ недѣли. Я могъ бы найти и тутъ исходный путь, но препятствовала рѣка Рейнтъ, чрезъ которую трудно было переправиться; пройти по мосту или переѣхать на паромѣ, было невозможно, потому что тамъ стояли часовые. 25 апрѣля пріѣхалъ помѣщикъ изъ г. Брюиль и сдѣлалъ вызовъ на работу. Я пожелалъ ѣхать, хотя и зналъ, что легко могу попасться. Унтеръ-офицеръ, который слѣдилъ за мной, ушелъ на квартиру, а я этимъ случаемъ воспользовался и, подойдя, къ помѣщику сказалъ: «я желаю ѣхать на работу». Онъ спросилъ, какой номеръ, записалъ, сказалъ, чтобы забиралъ свои вещи и выходилъ: черезъ пять минутъ уѣзжаемъ. Забравъ свои вещи, я подъ видомъ рядового солдата отправился на работу въ тотъ же городъ Брюиль. Мой тѣлохранитель не узналъ, какъ я уѣхалъ. Чтобы не терять зря времени и не обнаружить себя, я рѣшилъ 27, въ ночь на 28 апрѣля, бѣжать. Такъ и сдѣлалъ. Собралъ все, что нужно для побѣга и въ 9 часовъ вечера, въ то время, когда раздавали солдатамъ пищу, я бѣжалъ. Была за мной погоня или нѣтъ, не знаю. Въ первую ночь я достигъ гор. Дюрина, гдѣ и дневалъ въ лѣсу около города. Въ 10 час. вечера 28-го пошелъ дальше. Пришлось проходить черезъ товарную станцію,—тамъ нарвался на служашаго желѣзной дороги. Онъ шелъ за мной до тѣхъ поръ, пока я не заговорилъ съ нимъ по нѣмецки *), потомъ онъ повернулъ налѣво, а я пошелъ прямо. Тутъ пришлось переплывать рѣку Дюрентъ.

*) Этимъ языкомъ я владѣю.

Эту ночь шелъ до 4 час. утра и около одной деревни въ кирпичномъ сараѣ остался дневать, но спать не пришлось,— холодно. Кое-какъ провелъ время до 10 час. утра. Потомъ пригрѣло солнце, и я уснулъ. Меня тревожили крики ребятишекъ, но я былъ увѣренъ, что они меня не найдутъ. Въ 9 час. 15 мин. веч. я оставилъ сарай и пошелъ дальше. Въ двѣнадцать часовъ ночи около какого-то мѣстечка нарвался на двухъ нѣмцевъ, но вывернулся благодаря темной ночи и рѣкѣ, въ которой я спрятался—сидѣлъ въ водѣ пока они не прошли; а какъ прошли, я быстро выскочилъ и пустился дальше по направлению къ мельницѣ, гдѣ переправился черезъ рѣку. Въ эту ночь препятствій не встрѣчалось. Ночевалъ у богатого помѣщика около шоссе въ сараѣ. Весь день провелъ благополучно. На четвертую ночь дошелъ до города Вейдеръ, (кажется онъ такъ зовется), гдѣ и встрѣтилъ нѣмецкаго солдата, который сказалъ «Добраночь»!—«Добрая ночь»!—отвѣчалъ я.—«Пойдемъ вино пить»!..—«У меня нѣтъ времени»!.. Мы разстались. Отойдя отъ города Вейдера верстъ 5, я остановился ночевать среди поля въ пшеницѣ, гдѣ сдѣлалъ окопъ и лежалъ первый день до 10 ч. вечера. Этотъ день былъ очень жаркій, воды не было и пришлось выжимать сокъ изъ пшеницы, чтобы дать хотя немного влаги. Весь день лежалъ лицомъ внизъ. Въ 10 час. вечера я направился къ границѣ, которая была недалеко отъ моего окопа. Тутъ пришлось сдѣлать небольшой крюкъ, чтобы обойти какой-то городишко. Миновавъ его, я направился прямо на западъ. Въ 12 часовъ ночи подошелъ къ будкѣ, которая стояла на шоссе. Не доходя до шоссе шаговъ 25, я замѣтилъ часового. Я сталъ прислушиваться и всматриваться въ фигуру. Онъ меня замѣтилъ, далъ знать въ караульное помѣщеніе, гдѣ и засвѣтился огонекъ. Я ползкомъ отошелъ назадъ и, разувъ сапоги, взялъ немного правѣй. Когда подошелъ къ шоссе, то замѣтилъ, какъ въ шагахъ въ 15 отъ меня блеснулъ огонекъ. Я прилежъ и сталъ всматриваться. Это былъ часовой. Тогда я подался къ первому часовому и, слава Богу, прошелъ границу благополучно. Отойдя верстъ 15 вглубь Голландіи, я все-же не рѣшался заходить въ избы мужиковъ, хотя и былъ увѣренъ, что я въ безопасности. Днемъ пришелъ въ гор. Мастрихъ, откуда и добрался благополучно до своей дорогой родины.

Сколько плѣннымъ приходится переносить горя, нужды,

обидѣ—знають только они одни. Держали насъ голодными. били, убивали—да убивали такъ, какъ въ деревняхъ убиваютъ бѣшеныхъ собакъ—у всѣхъ на глазахъ. Не приведи Богъ быть въ плѣну у нѣмцевъ. Они не хотѣли и знать, что мы — тоже люди... Сколько слезъ было пролито нами?!.. У насъ о плѣнныхъ нѣмцахъ заботятся, какъ о своихъ—не знаютъ, въ какой уголь посадить,—говорятъ, что все это работаютъ наши нѣмцы. Вотъ пусть они узнають, какъ съ нами обращались въ Германіи. Можетъ и ихъ доброе сердце защемить по иному».

Вотъ второй разсказъ русскаго бойца, чудомъ вырвавшагося изъ тевтонскаго ада. Какимъ страшнымъ кошмаромъ вѣетъ отъ этой дикой, необузданной правды!.. У насъ все гонятся за человѣчностью и не хотятъ вѣрить тому, что русскихъ солдатъ нѣмцы держатъ хуже арестантовъ: морять голодомъ, не даютъ воды, бьютъ, истязаютъ и убиваютъ...

Все, что здѣсь написано—краткая истина. Въ ней переименованы солдаты, указано какихъ они частей, названы время и мѣсто. Вникните же въ нее, русскіе люди. А не вѣряще—про-вѣрьте и увѣруйте. Авось у насъ больше не повторятся поступки рижскихъ безстыдницъ, иодносившихъ цвѣты «невиннымъ ягненкамъ», какъ называли они плѣнныхъ тевтоновъ.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ КНИГИ
ТОГО-ЖЕ АВТОРА:

- 1) **Письма офицера** **==**
== съ передовыхъ позицій.

Цѣна 1 р. 25 к., (съ перес. 1 р. 40 к.) налож. плат. 1 р. 50 к.

- 2) **Что писали про казаковъ** **==**
== въ войну 1914—1915 г.г.

Цѣна 1 руб., (съ перес. 1 руб. 20 коп.).

Продаются въ книжномъ складѣ газеты: „Русское Чтеніе“
и журнала „Лѣтопись Войны 1914—1915 гг.“.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ:

Книжный складъ газеты „Русское Чтеніе“ и журнала „Лѣтопись Войны 1914—15 гг.“

Петроградъ, Надеждинская ул., № 19.